

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

январь 1982 г.

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

2. E.Ashtor, A social and economic history of Near East in the middle ages. London, 1976, с.112,114.
3. В.К.Чалоян, Армянский ренессанс. М., 1963; Н.И.Конрад, Запад и Восток. М., 1972; И.С.Брагинский, 12 миниатюр. От Рудаки до Джами. М., 1976; А.А.Гаджиев, Ренессанс и ренессансный город, --- Изв. АН Аз.ССР, сер. литературы, языка и истории № 3, 1977, с.41-50.
4. Книга ал-Фарики ли Ахмад ибн ал-Азрак ал-Фарики, хаккакаду ва каддама лаху Бадави Абд ал-Латиф, ал-Кахира, 1379/1959.
5. S.D.Goitein, The rise of Middle-Eastern bourgeoisie in early islamic times. - Studies in islamic history and institutions, Leiden, 1966, с.217-241.
6. Книга ал-амвал ли-л-имам Аби Убайд ал-Касим..., саххахаду ва аллака хавалихи Мухаммад Хамид ал-Факки. Ал-Кахира, 1353 (1934), №№ 1629-1634.
7. Ихйа улум ал-дин ли-л-имам Аби Хамид Мухаммад ал-Газали. т.П, 1302 (1885), с.123.
8. I.M.Lapidus, Muslim cities and islamic societies. - Middle Eastern Cities. A symposium on ancient, islamic and contemporary Middle Eastern urbanism. Berkeley and Los Angeles, 1969, с.73.

Е.И.Васильева

О КОЧЕВНИКАХ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КУРДИСТАНА

Средневековые арабские историки употребляли этноним "курд" для обозначения кочевых или полукочевых племен, которые не были арабами или турками. В их сочинениях курдами назывались даже кочевники Хузистана - племена, говорившие на арабском языке. Таким образом, курды для них служили олицетворением кочевничества. Аналогичное мнение встречалось в публикациях западноевропейских путешественников и разделялось многими авторами.

Что же представляли собой курдские кочевники и может ли служить курдская модель социально-экономических отношений символом нomaдизма? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере ситуации в Юго-Восточном Курдистане.

Страну, населенную курдами, сравнивают по форме с полумесяцем, простирающимся с северо-запада на юго-восток. Спинной хребет юго-восточной части этого полумесяца составляют хребты Загросских гор. С юго-западной стороны они постепенно понижаются крутыми складками в направлении месопотамской долины, на севере и северо-востоке переходят в возвышенное плато. Эту часть Курдистана - горы Загроса и прилегающие к ним долины между Диалой и Малым За-

бом на западе и районн Арделана на востоке и назовем условно Юго-Восточным Курдистаном. Область представляет собой единое орографическое целое.

С XII по XVII вв. Юго-Восточный Курдистан составлял единый, оформленный в виде Арделанского княжества политический организм и входил во владения могущественного курдского княжеского дома Бани Арделан. В XVII в. закрепленная договором 1639 г. граница между Османской Турцией и Сефевидским Ираном отсекала от владений Бани Арделанов области Шахризур и Зохаба, где утвердилась другая курдская династия — Бабаны, которая подчинилась османскому султану. Таким образом, в XVII в. Юго-Восточный Курдистан был политически разделен на две части, однако, фактически вплоть до конца XIX в. эти курдские области были связаны в хозяйственном и культурном отношении гораздо более тесными узами, нежели с соседними не-курдскими районами. И связующим звеном, на наш взгляд, служили именно курдские кочевые племена, для которых политическая граница между Турцией и Ираном практически не существовала. Прекрасным тому примером служит племя джафов. После 1639 г. джафы продолжали передвигаться тем же путем сезонных миграций, который существовал, по-видимому, уже много сотен лет. Весной они откочевывали во владения Бани Арделанов и поднимались в горы по линии: юг округа Саккыз — восточная оконечность озера Зерибар в Мариване, осенью снова пересекали границу и переходили в земли Бабанов на свои зимовья в долине Шахризур и вдоль реки Джалы.¹ Политические границы между двумя государствами и строжайшие запреты арделанских князей пересекать границы их владений в периоды обострения отношений между Бабанами и Бани Арделанами были бессильны изменить традиционные пути сезонных миграций курдских кочевников.

Для социально-экономической структуры Юго-Восточного Курдистана — вопреки утверждениям отдельных авторов с некоей скотоводческой моноспециализации курдов — характерно наличие трех хозяйственно-культурных типов: оседлых земледельцев, полу-оседлого населения, сочетавшего скотоводство с земледелием, и кочевников-скотоводов. Хозяйственная жизнь курда никогда не ограничивалась ни кочевым скотоводством, ни земледелием. Давнее совмещение земледельческого и скотоводческого хозяйств в Юго-Восточном Курдистане зафиксировано всеми арделанскими хрониками, в которых наряду с земледельцами-райятами неизменно упоминаются кочевые скотоводы-илагы. Детерминированность такого симбиоза заложена в самой географической среде, в тесном переплетении и чередовании пригодных для

земледельца равнинных земель и горных пастбищ, создававших оптимальные условия для скотоводческого хозяйства. Использование экономического потенциала рассматриваемого региона было возможно лишь при объединенных усилиях оседлого земледельца и кочевника-скотовода. Отсюда, на наш взгляд, и вытекают основные отличительные черты номадизма в Юго-Восточном Курдистане.

Для этой области характерна форма кочевания, которая в советской исторической литературе получила название "вертикальной". Кочевание происходило с летних высокогорных пастбищ в равнины - в отличие от "меридиональной" формы, когда стада перемещались на большие расстояния летом на север и зимой на юг и "пустынной" или "кольцевой", когда передвижение происходило от колодца к колодцу.

Форма кочевания, распространенная в Юго-Восточном Курдистане, получила наименование "замкнутого" или "ограниченного" номадизма. "Ограниченность" такого кочевания заключалась в том, что кочующие племена проводили зиму на одном месте.³ Одни номады при этом проживали в тяжелых и теплых зимних шатрах, сменявших более легкий летний шатер для перекочевков, другие строили на зимних пастбищах или около них дома. "Ограниченный" номадизм, по мнению М. Раутона, охватывал и те племена, которые проводили на горных пастбищах лишь несколько месяцев в году. Определяющим фактором для отнесения их к кочевникам служил сам факт сезонной миграции. Миграция не служила показателем номадизма только тогда, когда принадлежавший оседлым крестьянам скот пасли пастухи-профессионалы.⁴

Такой "ограниченный" номадизм практиковался обыкновенно в деревнях, расположенных не в долинах, а у подножья гор или на плоскогорье. Все жители деревни весной выезжали вместе с овцами на летние пастбища выше в горы, где жили в шатрах. Расстояние от деревни до летних пастбищ варьировалось от нескольких часов до нескольких дней пути. Стоявшие в летние месяцы без жителей деревни описаны путешественниками неоднократно.⁵ Такую форму кочевания отдельные авторы называют полу-номадизмом.

Для региона Юго-Восточного Курдистана характерна тесная взаимосвязь и взаимозависимость кочевника и оседлого. В литературе, наблюдениях путешественников, которые служат основным источником информации о кочевниках, интерес к отношениям между номадами и оседлыми, как правило, не проявлялся. Внимание фиксировалось на том, что их разделяло. С легкой руки К. Дж. Рича, побывавшего в Юго-Восточном Курдистане в 1820 г., из сочинения в сочинение до сих пор кочует мнение, что гураны (так в кжмн, Бабанском Курди-

стане называли оседлых земледельцев) даже принадлежали не к курдскому этносу, а к иной этнической общности.⁶

Номада и оседлого соединял взаимовыгодный обмен продуктами своего труда. Их отношения нередко носили и конфликтный характер, особенно во время перекочевков, когда путь кочевников лежал через земли оседлых крестьян. Однако говоря о взаимосвязанности номада и оседлого, мы имеем в виду не конкретные формы их общения, а то обстоятельство, что экономика области базировалась на наличии хозяйства как оседлых земледельцев, так и кочевников-скотоводов, которые могут, таким образом, рассматриваться как специализирующиеся по своим занятиям группы в пределах единой экономической структуры. Они взаимно дополняли друг друга, составляя одно целое, никогда не представляли собою чего-то застывшего и неподвижного. Производство материальных благ сосредотачивалось то в хозяйстве кочевников-скотоводов (во времена войн и пограничных конфликтов, которыми насыщена история Юго-Восточного Курдистана), то в хозяйстве оседлых земледельцев (в периоды относительной стабилизации). Именно мобильное кочевое хозяйство спасало область от полного экономического истощения и гибели всех производительных сил в периоды полной разрухи и разорения деревень, когда войны превращали земледелие в занятие рискованное и невыгодное. Таким образом, в пределах региона был постоянный отток производительных сил из сферы кочевого хозяйства в земледелие и обратно.

Постоянная циркуляция производительных сил из кочевой сферы в земледельческую заметна на жизнедеятельности такого социального организма, как племя. Все известные племена Юго-Восточного Курдистана включали в себя как оседлых земледельцев, так и скотоводов-номадов, и соотношение этих частей варьировалось в зависимости от конкретной политической ситуации в регионе. Например, в первые десятилетия XIX в. джафы вместе с примкнувшими к ним кланами насчитывали около 10 тысяч шатров кочевников и 3 тысячи оседлых семей.⁷ Через сто лет процент оседлых в племени был значительно выше, однако, оседание не было окончательным, и многие из оседлых семей снова начинали вести кочевую жизнь, когда были в состоянии себе это позволить или когда им это казалось более выгодным.⁸

Все эти данные свидетельствуют о том, что кочевое скотоводство не может служить символом экономики Юго-Восточного Курдистана. Кочевое хозяйство и кочевники никогда там не являлись ни единственным, ни определяющим фактором социально-экономической структуры. Почему же в представлении своих соседей арабов принадлеж-

ность к курдскому этносу означала и принадлежность к кочевому скотоводческому укладу? Представляется, что это объяснимо большой мобильностью кочевых племен и тем обстоятельством, что до конца XIX столетия именно в них концентрировался военный потенциал курдов. Пока во второй половине XIX в. с политической сцены не сошли курдские княжеские дома, кочевые племена составляли основную часть военных ополчений и дружин курдских феодалов, о чем свидетельствуют все арделанские хроники. Именно с кочевниками приходилось соседям курдов сражаться на поле брани и не единожды от них терпеть поражения. Возможно, именно обраставшие легендами рассказы об этих баталиях и породили у соседних с курдами народов представление об однозначности принадлежности к курдскому этносу и к укладу скотоводов кочевников.

-
1. C.J.Edmonds, Kurds Turks and Arabs. Politics, travel and research in North-Eastern Iraq 1919-1925. L., 1957, p.147.
 2. M.Rowton, Enclosed nomadism. - Journal of the Economic and Social History of Orient, vol.XVII, part. I; см. также серию статей М.Раутона, посвященных проблемам номуадизма.
 3. M.M.Van Bruinessen, Agha, Shaikh and State. On the social and political organization of Kurdistan, /б.г./, p.24.
 4. M.Rowton, Authonomy and Nomadism in Western Asia. - Orientalia, v.42, Fasc. 1-2, 1973, p.251.
 5. T.M.Lycklama, Voyage en Russie, au Caucase et en Perse dans la Mésopotamie, le Kurdistan, la Syrie, la Palestine et la Turquie..., t.IV, P., 1875, p.64; R.Ker Porter, Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820. V. II, L., 1822, p.564-565.
 6. Cl.J.Rich, Narrative of a residence in Koordistan and on the site of ancient Nineveh, with journal of a voyage ... V. I, L., 1836, p.80,89; Bruinessen, p.135.
 7. Rich, p.177.
 8. Edmonds, p.139-156.

К.В.Васильев

ЗАВИСИМЫЕ И РАБЫ В ПЕРИОД ЧУНЫЦЮ

Наряду с категориями крестьян, которые были обязаны государству или местному владельцу уплатой налога, различных сборов и